

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94-053.2/5:82-94-055.2

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_2_46

И.В. Синова

«Все мы родом из детства далекого вышли...» (детская повседневность в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в.)

В статье исследуется отражение детской повседневности в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в. На конкретных примерах из эго-документов М.П. Бок, А.Г. Достоевской, М.И. Ключевой, М.Ф. Кшесинской, О.М. Меницкой-Зоммар, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой, Е.Н. Водовозовой показаны отношения в семье, любимые праздники, игры, развлечения, увлечения, летний отдых, решение вопросов быта. Проиллюстрировано влияние детства на социальную мобильность, становление профессиональной и общественной деятельности, характера, жизненных принципов и приоритетов авторов нарративов. Сюжеты из мемуаров иллюстрируют общие и особенные черты детской повседневности в семьях с разным уровнем образования и материального достатка, социальной принадлежностью, личностными ориентирами.

Ключевые слова: детство, повседневная жизнь, женские мемуары, досуг, нарративные источники, семья, эго-документы, быт.

Irina V. Sinova

"We all came from the long-ago childhood..." (children's everyday life in women's memoirs of the second half of the XIX – early XX centuries)

The article deals with the reflection of children's everyday life in women's memoirs of the second half of the XIX – early XX centuries. Specific examples from the ego documents of M.P. Bok, A.G. Dostoevskaya, M.I. Klyuchevaya, M.F. Kshesinskaya, O.M. Menitskaya-Sommar, A.P. Ostroumova-Lebedeva, M.K. Tenisheva, E.N. Vodovozova show family relationships, favorite holidays, games, entertainment, hobbies, summer vacations, solving routine issues. The article illustrates the influence of childhood on social mobility, formation of professional and social activities, character, life principles and priorities of the narratives' authors. The stories from the memoirs illustrate general and special features of children's everyday life in families with different levels of education and material wealth, social affiliation, personal orientations.

Key words: childhood, everyday life, women's memoirs, leisure, narrative sources, family, ego documents, daily routine.

Детство традиционно является объектом исследования ученых разных областей знаний, в том числе историков, для которых не только репрезентативными, но и интереснейшими источниками для его изучения являются мемуары, хотя они и не лишены субъективизма в оценке описываемых фактов и событий [1; 4; 7; 9; 12]. Большинство женских эго-документов начинаются с рассказа о детстве героинь и о том, какую роль оно сыграло в их дальнейшей судьбе. Основу исследования составили воспоминания М.П. Бок, А.Г. Достоевской, М.И. Ключевой, М.Ф. Кшесинской, О.М. Меницкой-Зоммар, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой [2; 6; 8; 10; 11; 13; 14]. Некоторые авторы – писательницы А.А. Вербицкая и Е.Н. Водовозова – полностью свое повествование посвятили своим детским и юношеским годам [3; 5]. События и поступки из детства подвергаются авторами нарративов переосмыслению и в определенной степени переоценке, некоторые факты пересказываются со слов взрослых членов семьи и прислуги. Ранний возраст для кого-то стал временем развития творческих задатков, формирования характера, а у кого-то наоборот создал определенные комплексы.

В женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в. можно выделить общие и особенные черты, которые касаются детства авторов. Они рассказывают о своей повседневной жизни, взаимоотношениях в семье, играх, праздниках, увлечениях, воспитании, наказаниях и обидах. Каждая из героинь касается эмоциональной и психологической атмосферы в семье, при этом кто-то с радостью и благодарностью, а кто-то с грустью. Балерина М.Ф. Кшесинская пишет о том, что она «была любимицей отца» [10, с. 15] и что «детство мое было счастливым и радостным. Наши родители очень любили своих детей. Безграничная любовь и забота о нас позволили им создать удивительную атмосферу, которая навсегда останется для меня самым дорогим воспоминанием о тех годах» [10, с. 14].

А.Г. Достоевская, посвятив воспоминания своему мужу, писателю Ф.М. Достоевскому, тем не менее, кратко рассказывает о своем детстве и юности «с самым отрадным чувством: отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну. Жизнь в семье была тихая, размеренная, спокойная, без ссор, драм или катастроф» [6, с. 50]. Даже такая однообразная атмосфера автора вполне устраивала.

Более яркие воспоминания о своей семье оставила писательница Е.Н. Водовозова, с большой любовью отзываясь о своих родителях: «все мы, от мала до велика, обожали отца. Играя с младшими, он поднимал такую возню, что нередко в комнату вбегала матушка. Она стыдила мужа за то, что тот сам увлекался игрой как ребенок, но отец ничуть не смущался и подшучивал над ней. Матушка смеялась шутке, и возня возобновлялась» [5, с. 5].

В мемуарах М.П. Бок – старшей дочери премьер-министра П.А. Столыпина, все события представлены через призму деятельности отца, но атмосфера в семье и отношение к детям также получили отражение: «тогда я еще была единственным ребенком моих родителей и пользовалась нераздельными их ласками» [2, с. 30].

Просветительница и общественный деятель М.К. Тенишева в детстве по отношению к своей матери испытывала чувство страха: «я боялась матери, трепетала перед ней. Ее черные строгие глаза леденили меня» [13, с. 21] или «это был, кажется, единственный раз в моей жизни, что я обняла свою мать. Она никогда меня не ласкала» [13, с. 23]. Другие ее воспоминания тоже безрадостны: «мне восемь лет. Я стала сознательней, но матери своей по-прежнему страшно боюсь. Боюсь ее как огня...» [13, с. 24].

О.М. Меницкая-Зоммар, скорее с горечью, чем с обидой пишет о своей матери, которая потеряла двоих детей: «она была очень спокойная, добрая, справедливая, относилась очень ровно ко мне и Соне, заботилась о нас, чтобы мы были сыты и здоровы, но я никогда не видела с ее стороны безумной ласки, горячих объятий, какими я осыпала своих детей и внуков. Казалось, от любви сердце истекает кровью. Безумный страх за их жизнь и здоровье вечно терзает душу» [14, с. 119].

Авторы эмоционально описывают развлечения в родительском доме, праздники, игры и даже шалости. Практически во всех семьях интерес вызывали сказки, рассказанные взрослыми, и чтение книг. М.П. Бок считает, что «самым чудным временем дня были вечерние часы, после обеда, когда можно было пойти в кабинет, влезть на мягкую оттоманку, прижаться к папá и слушать чудные сказки, которые он рассказывал. Сказки эти меня интересовали еще много лет спустя, когда они рассказывались моим маленьким сестрам. Были они так занимательны, что моя мать, с работой в руках, тоже всегда приходила их слушать» [2, с. 30]. П.А. Столыпин, несмотря на занятость государственными делами, всегда находил время для общения с детьми и проявления заботы о них.

А.Г. Достоевская вспоминает, что в доме «детских книг совсем не было; нас никто не пытался "развивать". Рассказывали нам иногда сказки, преимущественно отец; вернувшись со службы и пообедав, он ложился на диван, звал к себе детвору и принимался рассказывать. Сказка у него была одна об Иванушке-дурачке, но вариации были бесчисленные, и мы с братом всегда удивлялись: почему Иванушку называют дурачком, раз он так умно умеет выпутываться из всевозможных бед» [6, с. 50].

М.К. Тенишевой в детстве сказки рассказывала няня: «выдуманные и настоящие, – про Царя Салтана, Конька-Горбунка, Аленушку и много других; настоящие же были ее воспоминания о том, когда она,

еще крепостной, убежала от злой госпожи и долго потом ходила по святым местам, а там и воля вышла... Те и другие сказки я очень любила. Мы обязательно каждый раз обе плакали, когда она рассказывала, как про волю на Руси читали, как целовались, крестились от радости...» [13, с. 24]. А научившись читать Тенишева «читала без разбора все, что только попадало ... под руку» [13, с. 29]. Она сама считает, что главную роль в ее становлении как личности и понимании жизни сыграло сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Христу». «Это было откровением... Я была одинока, заброшена. Моя детская голова одна работала над всем, ища все разрешить, все осознать. Никто никогда не говорил мне: не надо лгать, нехорошо красть... Все нравственные уроки я нашла в этой книге. Она внесла мне в душу примирение, утешила меня, поддержала... Всегда в тяжелые минуты, когда грусть сжимала мне сердце, я находила в ней отраду, опору: я уже не чувствовала себя одинокой... Всем, что созрело во мне положительного, я обязана исключительно этой книге и самой себе» [13, с. 29]. Другим автором для нее, который также оставил неизгладимое впечатление, был Гете: «Найдя в Кемпийском учителя души, я нашла в Гете учителя красоты, заставившего пробудиться мое сердце и воображение» [11, с. 29]. На основании мемуаров Тенишевой видно, что в детстве в процессе ее становления как личности главную роль сыграли не конкретные люди, а именно книги: «Вообще, читая, я глубоко входила в положение каждого героя и так страдала за них, столько проливала горьких слез, как будто судьбы их и горе были моими личными. Но больше всего производили впечатление на меня те книги, где описывались страдания оскорбленного самолюбия: с этими положениями я никогда не могла примириться, кажется, я страдала и оплакивала в них себя» [13, с. 30].

Даже для ученицы швейной мастерской М.И. Ключевой книги являлись одним из главных увлечений и форм досуга: «лежа на теткиной кровати, целый день читала Пушкина, Евгений Онегин. У тетки были разные книжонки, которых она никогда не брала в руки. Все эти книжонки она собирала из барских домов для меня. Я в них, бывало, зареюсь и не замечаю, как пройдет воскресный день» [8, с. 178]. Ключева также упоминает, что одной из заказчиц мастерской была директор библиотекой имени Грибоедова, которая ее «записала в библиотеку, откуда мы доставали книги» [8, с. 179]. Поэтому неудивительно, что в дальнейшем Ключева не только стала мастерицей, но и преподавала на курсах кройки и шитья.

Художница А.П. Остроумова-Лебедева рассказывает о том, что «меня долго не учили. Грамоте я выучилась сама очень рано и не помню как. Иногда мама, когда я очень к ней приставала, давала мне переписывать с книги. Меня очень интересовали знаки препинания. Особенно я старалась над запятой...» [11, с. 36] Она признается так-

же, что «в гимназии я училась спустя рукава. Очень много читала, это была моя страсть, иногда – целые ночи напролет» [11, с. 45].

В памяти о детстве значительный след оставляют разнообразные игры, забавы, традиционные и семейные праздники. Как правило, исходя из интересов и характера каждого человека, они связаны с положительными эмоциями и впечатлениями. Е.Н. Водовозова пишет, как в имение ее родителей съезжались гости на представления: «В ту пору театр был большой редкостью даже в городе. А уж в деревне о нем и мечтать не приходилось. Однако отец устроил у нас домашний театр не для забавы. "Наш театр послужит для пользы детей", – говорил он мамушке, когда она жаловалась, что эта затея стоит им слишком дорого» [5, с. 5]. И вся подготовка спектаклей проводилась совместными усилиями: «Старших он научил иностранным языкам, сам переводив с французского пьесы, разучивал с детьми роли. Мы, дети, никогда не оставались без дела. Готовясь к спектаклям, сестры помогали горничным шить костюмы и мастерить разные вещи: из золоченой бумаги клеили короны и украшали их цветными бусами, вырезывали из дерева или картона латы и шпаги, раскрашивали их и разрисовывали занавес. Все принадлежности театра были самодельными. И даже артистами были сами дети» [5, с. 6].

Балерина Кшесинская рассказывает, что в их семье «сочельник праздновали по старинному обычаю. После ужина зажигали елку, под которую клали подарки. Этот обычай я соблюдала всю свою жизнь, и по сей день для меня нет большего удовольствия, чем зажечь елку и раздать подарки» [10, с. 20]. М.П. Бок рассказывает о том, что «на второй день Пасхи мамá устраивала детский бал, на котором мы танцевали выученные за зиму танцы» [2, с. 39].

Праздников и развлечений у М.И. Ключевой почти не было, так как в раннем детстве она жила у тетки, которая «ходила по стиркам, я была ее правая рука. Училась я в начальной школе после занятий, я помогала развешивать на чердаке, а также полоскать белье» [8, с. 168]. Поэтому после определения ее в швейную мастерскую на обучение ремеслу она умела видеть радости в мелочах, и от многого получать удовольствие. «Вечером после работы хозяйка учениц отпускала погулять – вокруг дома – и наказывала, чтобы мы не вздумали с кем-нибудь завести знакомство, а в особенности с мужчинами. Гуляли мы около часа... Мы как птицы небесные, выпущенные из клетки, не нарадуемся подышать воздухом и насладиться дорогой свободой. Уж тут мы не наговоримся, и говорим мы все сразу» [8, с. 172]. Даже такой непродолжительный отдых и прогулки доставляли девочкам удовольствие. Кроме этого, «по вечерам мы иногда пели песни всем хором, и хозяйка тоже подтягивала...» [8, с. 172]. Несмотря на отсутствие материальных возможностей и зависимость от хозяйки мастерской, Ключева рассказывает, что «по воскресеньям иногда мы с

хозяйкой ходили на туманные картины, их показывали бесплатно в чайной общества трезвости...» [8, с. 175.], посещали в консерватории выступление учащегося сольного пения [8, с. 180] и балаганы на Масленой неделе [8, с. 181].

В отличие от эмоциональной Кшесинской, Остроумова-Лебедева «была до крайности застенчива», поэтому «не любила общих детских игр. Среди игры по непонятному импульсу, тихонько и незаметно убегала ото всех и забиралась на папин диван... Это случилось со мной и впоследствии, когда я была уже взрослая» [11, с. 40]. А А.Г. Достоевская говорит о том, что «игрушками нас не баловали, а потому мы их ценили и берегли» [6, с. 3].

Тенишева вспоминает, как «на Рождество меня пригласили на семейную елку, но я была безучастна: оживленное веселье не затронуло меня» [13, с. 33]. Зато гораздо большее удовольствие она получала, когда с няней «играла в дурачки. Только с няней нельзя ни выиграть, ни проиграть: она признает только розыгрыш. "Так-то лучше, – говорит она, – а то какая же это игра, если один в дураках остается? Игра – это веселье. А весело ли быть в дураках?"...» [13, с. 24]. Дети часто любят иметь свои маленькие секреты, связанные с их интересами и занятиями, порой скрывая их от взрослых и придавая этому некую таинственность. Тенишева вспоминает, что «мелкие игрушки я предпочитала крупным и могла часами, тихо-тихо притаившись, копошиться в своем углу, разбираясь в моих любимых коробочках, или любоваться крошечными художественными бирюльками, которые прятались в особый шкафчик, купленный мною на собственные сбережения. Этот заветный шкафчик был для меня святая святых. В нем, кроме бирюлек, укладывались в ватку мелкие восковые фигурки – все избранное, любимое. Если бы кто-нибудь коснулся этих сокровищ, я, кажется, умерла бы от ужаса – до того я дорожила каждой вещицей, аккуратно запирая их на ключ – это был мой первый ключ» [13, с. 25].

Тенишева в детстве, не находя понимания в семье, доверяла свои секреты только любимой кукле, вероятно, произвольно ассоциируя себя с ней. «У меня есть друг: кукла Катя, которой поверяются на ухо все тайны. Иногда я бью ее, но тут же со слезами целую, прошу прощения. Все говорят: Катя страшная, волос почти нет, нос подбит. Я не верю, это невозможно. Катя для меня красавица! Кроме Кати, у меня много нарядных кукол, тех я не люблю. Раз с одной из них я вышла в сад, а там бабы метут аллеи. "Ах, барышня, какая у тебя цаца... Подари ее мне". Я отдала. Другая баба пристала: "Дай ты и мне тоже цапочку". Я сбегала за другой, и так пока всех не отдала конечно, кроме Кати. Вечером, ложась, я должна прибирать игрушки – гувернантка заставляет. Хватились – кукол нет. Допрос... Гувернантка повела к матери. Мать очень рассердилась, высекла» [13, с. 21–22]. Но никто в доме даже не попытался понять мотив такого поступка маленькой де-

вочки. Порой не всегда для детей главным являются материальные блага и количество игрушек, гораздо важнее для них понимание, душевная теплота и искренняя забота.

Интересы, увлечения и творческие задатки некоторых авторов мемуаров начали формироваться еще в детстве, и они вспоминают о тех первых шагах, которые делали в этом возрасте, таким образом закладывались основы для их будущей профессии и успеха.

Кшесинская пишет о том, что «уже в три года я безумно любила танцы, и отец, желая доставить мне удовольствие, брал меня с собой в Большой театр» [10, с. 15]. В ее памяти отложилось, что у них в доме всегда была большая гостиная, где «отец проводил занятия, которые я так любила. Из салона слышались звуки вальса или мазурки, а я, тогда совсем еще ребенок, приплясывала, как умела, в такт музыке» [10, с. 18].

Остроумова-Лебедева рассказывает, как она «торопилась вставать рано и сейчас же принималась рисовать. Срисовывала с литографированных альбомов пейзажи, животных и разные сценки. Рисовала целый день» [11, с. 40].

Тенишева в разные периоды своей жизни занималась живописью, оперным пением, но, пожалуй, главные ее достижения связаны с просветительством и общественной деятельностью. Интерес к искусству проявился у нее еще в детстве, когда она пробиралась в гостиную к своим «друзьям – картинам», которых было много в доме. Но особенно ей нравились «веселые, цветистые... Все эти картины возбуждали во мне удивление, а трогала меня одна: широкий, цветущий луг, вдаль лес и река, небо такое прозрачное... Она вызывала во мне тихую грусть, манила туда, в леса и луга. Я всегда вздыхала, глядя на нее. С нее всегда начинался мой обход, ею и кончался» [13, с. 25]. И картины навевали на юную душу мысли о том, «как это может человек сделать так, как будто все, что я вижу, – настоящее, живое? Какой это должен быть человек, хороший, умный, совсем особенный? Как бы мне хотелось такого знать... Этих хороших, умных людей называют художниками. Они, должно быть, лучше, добрее других людей, у них, наверное, сердце чище, душа благороднее?... Насмотревшись, я убежала в свою комнату, лихорадочно хватаясь за краски, – но мне никак не удавалось сделать так же хорошо, как этим “чудным” людям, художникам» [13, с. 25]. Но эти детские попытки позднее переросли во взрослое увлечение.

Вопросы, связанные с домашним бытом, едой, приемом гостей в разной форме описаны в мемуарах. Кшесинская рассказывает, что ее отец, будучи человеком общительным обожал принимать гостей и «тогда на столе появлялись различные традиционные блюда, так как все традиции и обычаи соблюдались в нашем доме очень строго. Думаю, что гостеприимство я унаследовала от отца. Я тоже всю жизнь

любила принимать гостей и, как говорят, всегда умела создать хорошее настроение и приятную обстановку» [10, с. 19]. А на Пасху отец Кшесинской «сам пек куличи, надевая при этом большой фартук, и всегда месил тесто в новой деревянной квашне» [10, с. 20]. По мнению балерины, «самым веселым летним праздником был мой день рождения 19 августа... Благодаря заботам и стараниям отца об этом событии помнили не только в окрестных деревнях, но и в соседних имениях, и на дачах... Вечером около дома вспыхивала иллюминация и начинался великолепный фейерверк... Разумеется, в этот день был праздничный ужин, и непременно подавали шведский пунш, который отец делал по одному лишь ему известному рецепту...» [10, с. 23–24]. Праздники описаны в характерной для Кшесинской восторженной манере, особенно, если это касается лично ее.

М.П. Бок рассказывает, что «после обедни, каждое воскресенье папá ходил покупать со мной в кондитерскую угощение на "танц-класс"» [2, с. 37]. Водовозова вспоминает, что после смерти отца семье, испытывавшей материальные затруднения, на многом приходилось экономить. Так, что по вечерам в доме горело лишь две свечи: «...для нас, детей, самым чувствительным было не это. С особым сожалением говорили мы о сладком, которого нам теперь совсем не давали» [5, с. 13]. Ключева касается вопроса приема пищи, скорее, как первичной потребности человека, а не как формы коммуникации людей: «стол у нас был сытный, но простой: треска, каша, щи, селедка, горох, картофель. Чай, и днем кофе с ситным... Мясо ели три раза в неделю» [8, с. 171].

Тенишева пишет не о семейных обедах, а о душевном отношении к ней няни, у которой «в комнате пахнет лампадкой, стоят банки с вареньем. Она угощает меня чаем и моим любимым вареньем, брусничкой в патоке, своего изготовления» [13, с. 24]. Она также вспоминает, что в детстве она часто гостила у княгини Вадбольской, называя ее бабушкой и сохранив о ней добрые воспоминания. И как ни странно, она делает акцент в мемуарах на том, что «самое же веселье было, когда бабушка целым караваном поднималась ехать в баню. В то время даже в самых богатых домах не было того комфорта, какой мы имеем теперь: ванну при каждой квартире, с проведенной теплой водой и всеми усовершенствованиями. Бабушка, как и все важные дамы того времени, ездила в баню. Это было целое событие. Запрягались огромные кареты, ехали горничные с тазами, бельем, и вся эта компания отправлялась в путь. В бане бабушку встречали с почетом, как постоянную старинную гостью, ей отводилось лучшее помещение в несколько комнат. Бабушка сама мыла мне голову, а после этого я лежала на диване, мне давали что-то прохладительное. Я очень любила сборы в баню. У меня была своя маленькая шайка. Назад все возвращались красные, довольные, с распухшими, как мне всегда ка-

залось, лицами» [13, с. 23]. Детское воспоминание, казалось бы, о таком обыденном факте оставило след в памяти Тенишевой, вероятно, потому, что было связано с человеком, к которому она прониклась теплом и который к ней относился с добротой.

Авторы мемуаров с большой любовью вспоминают свой летний отдых, когда они соприкасались с природой и ощущали свободу. У Тенишевой немногие счастливые минуты детства связаны с пребыванием в имении Новое в Новгородской губернии, «где впервые пробудилась во мне любовь к природе. Мое укромное убежище, густые заросли, старый сад, вековые деревья, бесконечное, широкое озеро... Как я любила, разувшись, бегать и играть на солнце на берегу, по бархатному песчаному заливу, купаться в пригретой солнцем воде, ловить руками серебристую рябь...» [13, с. 28]. С большой теплотой она также описывает свое пребывание с гувернанткой в деревне в Псковской губернии, где пользовалась полной свободой, сделалась смелой и повсюду бегала одна: «Часто с затаенным дыханием слушаю пение соловья. Я люблю это пение, так люблю, что всегда плачу, слушая его. Мне точно жаль чего-то, больно. А то, лежа на спине в траве, подолгу слежу за причудливыми облаками. Хорошо в деревне, привольно... Никто больше не бранит меня, не наказывает. Я громко пою в саду, заливаюсь, а песни все собственного сочинения, да длинные, сложные» [13, с. 26]. Для Тенишевой в детстве отнюдь ни семья составляла комфорт и умиротворение, а наоборот, пребывание вдали от нее.

Кшесинская повествует о том, что «в детстве я обычно проводила лето в имении и пережила там много прекрасных дней...». Оно располагалось в «Красницах около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге... На протекавшей внизу речке Орлинке, прямо напротив нашего дома, оборудовали пляж с купальней. Недалеко от дома находился большой огород и фруктовый сад, а за садом начинался старый густой лес, куда я часто ходила по грибы. В имении был большой скотный двор и птичник. На широких лугах косили великолепную траву для скота...» [10, с. 21].

У родителей М.П. Бок было несколько имений, но любимым у детей было Колноберже в Ковенской губернии. Она описывает, как ее «охватывает такое глубокое чувство счастья» перед встречей с «любимыми обитателями Колноберже – людьми и животными» [2, с. 42].

А.Г. Достоевская, отец которой был мелким петербургским чиновником, не упоминает о пребывании в деревне, а пишет, что «лето мы с утра до вечера сидели в саду», вероятно, здесь речь идет о городских садах [6, с. 50].

Самое яркое воспоминание Остроумовой-Лебедевой о соприкосновении с природой и проявлением «самостоятельности» связано с детской проказой, когда 10-летняя Анна с 12-летней сестрой сбежали

из дома в путешествие: «С вечера мы потихоньку снесли в лодку картофель, хлеб, спички и соль, а сами на рассвете тихонько выбрались из дому. Мы не подумали о родителях и их тревоге. Мы плыли на веслах целый день... Вечером, когда стало темно мы выбрались на высокий берег. В сосновом лесу разложили костер и стали печь картофель... И так ночь мы просидели у костра...» [11, с. 38]. О волнении родителей и о наказании за данный поступок Остроумова не рассказывает.

Для каждого из авторов мемуаров соприкосновение в детстве с природой вызывало разные эстетические и душевные ощущения, но никого из них не оставляло равнодушным.

Вероятно, не просто далось Тенишевой осмысление и вывод об отношении к ней матери: «Она давно отталкивала меня своим вечным криком, несправедливостью не только ко мне, но и ко всем окружающим... Тяжело было подходить к ней с постоянным чувством страха и трепета. Я устала дрожать, жить постоянно с натянутым вниманием, чтобы только не навлечь на себя неудовольствия, удары и самые строгие наказания... Сиротливое чувство защемило мое сердце, я чувствовала, что она меня не любит» [13, с. 27]. Вероятно, сложность отношений самой Тенишевой с дочерью связаны не только с ограничениями для общения и воспитания со стороны ее первого мужа, но и с отсутствием некоего примера и образца из ее детства. Зато Мария Клавдиевна, может быть, в качестве компенсации за то что ее не любили в детстве, и она сама недолбила свою дочь и мало времени провела с ней, впоследствии создала школу в Талашкино, в которую вложила всю свою душу.

Сюжеты из женских мемуаров второй половины XIX – начала XX в. свидетельствуют об общих и особенных чертах детской повседневности с учетом уровня образования и материального достатка, социальной принадлежности семьи автора, личностными ориентирами окружающих людей и в целом, самой эмоциональной и психологической атмосферы. Для кого-то семья являлась опорой и поддержкой в дальнейшей жизни и основой для социальной мобильности, для кого-то, как для М.К. Тенишевой, детство стало временем, когда закалились ее воля и терпение.

Для всех авторов мемуаров, пожалуй, за исключением М.Ф. Кшесинской, главную роль в детстве сыграли книги, читая которые они не только получали возможность помечтать и отдохнуть, но и черпали знания, информацию для размышления, пищу для ума, искали и находили ответы на свои нравственные искания и сомнения. У балерины же приоритеты в повествовании расставлены по-другому, в центре – ее собственная личность и ее успехи. Даже в качестве главного праздника она называет свой день рождения, приводя примеры восторженного отношения к ней еще с детства.

Воспоминания о своем детском возрасте А.П. Бок как, впрочем, и вся книга, исходя из ее названия, написаны через призму деятельности и восторженного отношения к своему отцу, без каких-либо личных оценок и мнения.

Но при наличии разных подходов, приоритетов и оценочных средств у авторов мемуаров к жизнеописанию, они позволяют составить общую картину, а также выявить единство и разнообразие форм детской повседневности второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Афанасьева Ю.Ю. С.В. Ковалевская: «Воспоминания детства» и кризис идентичности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 7 (184). – С. 144–148.
2. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. – Нью-Йорк, 1953. 347 с.
3. Вербицкая А.А. Моему читателю: автобиографические очерки с портретом автора и семейными портретами (Детство, годы учения). – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1911. – 282 с.
4. Верременко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – 232 с.
5. Водовозова Е.Н. История одного детства. – М.-Л.: Детиздат, 1941. – 244 с.
6. Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста примеч. С.В. Белов и В.А. Туниманова. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
7. Киселева И.А. Концепт «семья» и его репрезентация в ассоциативном поле концепта «детство» в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца XIX – начала XX вв.) // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 90–100.
8. Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. – СПб.: [б.и.], 1997. Вып. 3. – С. 64–232.
9. Колягина Т.Ю. Мир детства в «Воспоминаниях» Т. Л. Сухотиной-Толстой // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 191–205.
10. Кшесинская М.Ф. Воспоминания / пер. с франц. Л. Папилиной. – Смоленск: Русич, 1998. – 416 с.
11. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. – М.: Изобр. искусство, 1974. [Т. 1–2]. – 631 с.
12. Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 286–294.
13. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – М.: Искусство, 1991. – 288 с.
14. «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967). Публик. и ком. В.А. Верременко, В.В. Каминский // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–150.

References

1. *Afanas'eva YU.YU. S.V. Kovalevskaya: «Vospominaniya detstva» i krizis identichnosti* ["Childhood memories" and the identity crisis] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. – 2017. – № 7 (184). – S. 144–148.
2. *Bok M.P. Vospominaniya o moem otce P.A. Stolypine* [Memories of my father P. A. Stolypin]. – New York, 1953. 347 s.

3. *Verbickaya A.A. Moemu chitatelyu: avtobiograficheskie ocherki s portretom avtora i semejnymi portretami (Detstvo, gody ucheniya)* [To my reader: autobiographical essays with a portrait of the author and family portraits (Childhood, years of study)]. – M.: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko., 1911. – 282 s.

4. *Veremenko V.A., Zhukova A.E. «Proletariat kukhni» srazhaetsya: sposoby zashchity svoikh prava zhenskoi domashnei prislugoi v Rossii v nachale XX veka* [Kitchen proletariat fights: ways to protect their rights by female domestic servants in Russia at the beginning of the XX century] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. – 2019. – № 4 (65). – P. 51–60.

5. *Vodovozova E.N. Istoriya odnogo detstva* [The story of a childhood]. – M-L: Detizdat, 1941. – 244 s.

6. *Dostoevskaya A.G. Vospominaniya / Vstup. stat'ya, podgot. teksta primech. S.V. Belov i V.A. Tunimanova* [Memories / Intro. article, podgot. text notes by S. V. Belov and V. A. Tunimanova]. – M.: Pravda, 1987. – 544 s.

7. *Kiseleva I.A. Koncept «sem'ya» i ego reprezentaciya v asociativnom pole koncepta «detstvo» v russoj i anglijskoj lingvokul'turah (na materiale zhenskoi memuaristiki konca XIX – nachala XX vv.)* [The concept of "family" and its representation in the associative field of the concept of "childhood" in Russian and English linguistic cultures (based on the material of women's memoiristics of the late XIX – early XX centuries)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2017. – № 4. – S. 90–100.

8. *Klyucheva M.I. Stranicy iz zhizni Sankt-Peterburga 1880–1910* [Pages from the life of St. Petersburg 1880-1910] // *Nevskij arhiv: Istoriko-kraevedcheskij sbornik* [Nevsky Archive: A collection of local history]. – SPb.: [b.i.], 1997. Vyp. 3. – S. 64–232.

9. *Kolyagina T.YU. Mir detstva v «Vospominaniyah» T. L. Suhotinoj-Tolstoj* [The world of childhood in "Memories" by T. L. Sukhotina-Tolstoy] // *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogu]. – 2019. – № 9. – S. 191–205.

10. *Kshesinskaya M.F. Vospominaniya / Per. s franc. L. Papilinoj* [Memoirs / Trans. with frantz. L. Papilina]. – Smolensk: Rusich, 1998. – 416 s.

11. *Ostroumova-Lebedeva A.P. Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical notes]. – M.: Izobraz. iskusstvo, 1974. [T. 1–2]. – 631 s.

12. *Sekenova O.I. Detstvo v vospominaniyah rossijskih zhenshchin-istorikov vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XIX v.* [Childhood in the memoirs of Russian women historians of the second half of the XIX – first half of the XX century] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples ' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. – 2021. – T. 20. № 2. – S. 286–294.

13. *Tenisheva M.K. Vpechatleniya moej zhizni* [Impressions of my life]. – M.: Iskusstvo, 1991. – 288 s.

14. *«Ya vyshla zamuzh za lyubimogo...» memuary O.M. Menitskoi-Zommar (01.03.1874–31.01.1967). Publik. i kom. V.A. Veremenko, V.V. Kaminskii* ["I married my beloved..." memoirs of O.M. Menitskaya-Sommar (01.03.1874–31.01.1967). Public. and com. V.A. Veremenko, V.V. Kaminsky] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 1. – P. 109–150.